

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РИМСКО-ГЕРМАНСКИМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ МУЗЕЕМ,
МАЙНЦ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

209

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ И КАВКАЗА

МОСКВА «НАУКА» 1993

- Ашхабад, 1963. Т. XII. С. 124. Видимо, к каким-то из выделенных типов и их вариантов будут относиться опубликованные в этой же статье на рис. 24 «поделки из кости и рога».
- ⁵⁶ Коляков С. М. Мастерская ... С. 52, 53, примеч. 23.
- ⁵⁷ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 104—105, рис. 66.
- ⁵⁸ Marshall J. Taxila ... V. II. P. 656. 657.
- ⁵⁹ Ghirshman R. Begram ... P. 48; Francfort H.-P. Fouilles... P. 2.
- ⁶⁰ Кацуриц К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала ... Рис. 24.
- ⁶¹ Толстов С. П. Древний Хорезм ... С. 111
- ⁶² Пугаченкова Г. А. Халчаян ... С. 96.
- ⁶³ Медведев А. Ф. Древнерусские писала // СА. 1960. № 2. С. 62—88.
- ⁶⁴ Филинович М. И. Две находки ... С. 49—50.
- ⁶⁵ Жуков В. Д. Археологическая разведка ... С. 186, 187.
- ⁶⁶ Атагарыев Е. Средневековый Дехистан. Л., 1986. С. 133—135, рис. 48, 2—5

Д. Абдуллоев

СОГДИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРЕ ХАЛИФАТА

Отечественными исследователями немало сделано в области изучения влияния культурного наследия домусульманского времени на дальнейшее развитие культуры Средней Азии в IX—XIII вв. Иначе обстоит дело с разработкой этого вопроса в отношении среднеазиатской домусульманской культуры в странах халифата, зарубежных относительно к Средней Азии. Специальных работ по этой проблеме нам не известно. Лишь иногда в литературе встречаются соответствующие замечания¹.

Таким образом, впервые делается попытка в какой-то мере осветить этот вопрос, хотя надо отметить, что на полноту приводимых фактов автор не претендует. Мы вынуждены ограничиться лишь отдельными наблюдениями, связанными с материалом из Пенджикента, который представляется нам весьма показательным.

Известно, что при завоевании арабами Средней Азии ими было вывезено большое количество драгоценных вещей, в том числе золотых и серебряных изделий. Наряду с этим завоеватели увезли с собой также строителей, ремесленников, мастеров художественного и прикладного искусства. Характерным является не отмеченный в литературе факт о вывозе при Муавии (661—680 гг.) арабским военачальником Абдар Рахманом из области Кабула гулямах (здесь пленных), которые построили в его дворце (касп) в Басре мечеть по образцу построек Кабула, как отмечает источник².

Поток переселившихся из восточных областей в центр халифата особенно возрос после прихода к власти Аббасидской династии (750—1258 гг.), обязанной своей победой над Омеядами главным образом населению Хорасана и Мавераннахра. Многие представители этих областей, как хорошо известно, вошли в состав руководителей верхушки аппарата государственной власти. Достаточно указать на семью Бармакидов — выходцев из Балха, Тахиридов — из Герата или знаменитого афшина Хайдара из Уструшаны.

В то же время в столицах халифата Багдаде и Самарре сложились целые кварталы, заселенные ремесленниками — выходцами из Мавераннахра и Хорасана. Известен крупный квартал вблизи сирийских ворот Багдада, названный «кварталом согдийцев». Выделялся в этом квартале дом согдийца Харфаша³, очевидно занимавшего особое положение в этой части города. Хорасанкой была мать халифа Мамуна (813—833 гг.), а мать халифа Мутасима (833—842 гг.) была согдийского происхождения⁴.

Следует отметить, что, находясь на чужбине, согдийцы и хорасанцы,

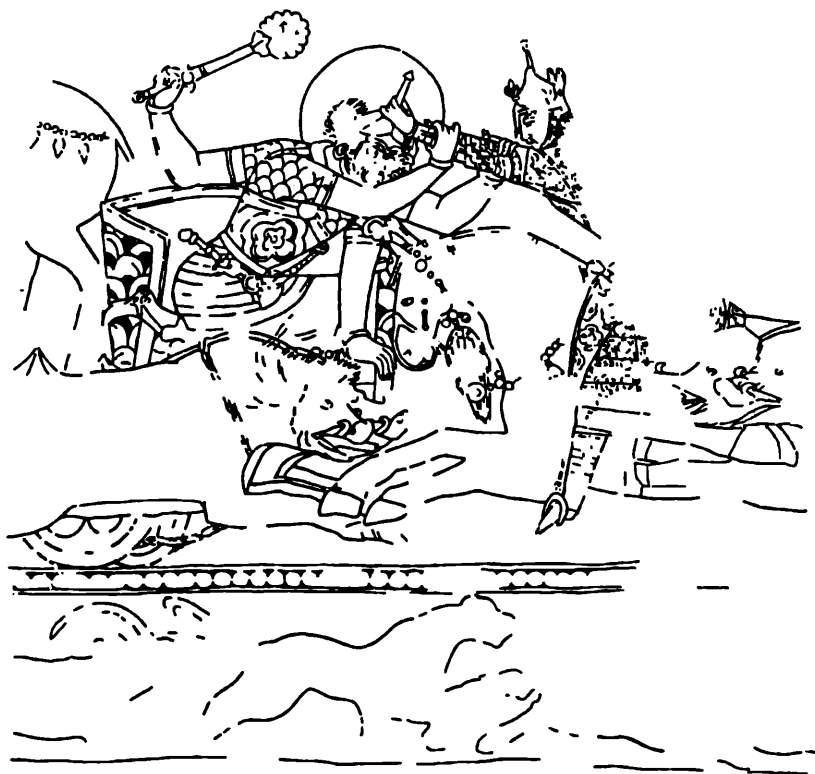

Рис. 1. Сцена «бег зверей». Древний Пенджикент, VIII в. н. э. Живопись

внешне приняв ислам, остались истинными мусульманами. Ярким примером тому является дом афшина Хайдара в Самарре, известного благодаря знаменитому судебному процессу. Так, в его дворце в Матире в пригороде Самарры при обыске были обнаружены различные изображения, в частности изображения человека из дерева, украшенное драгоценными камнями, золотом и жемчугом, а также много книг, среди которых книга магов Зарвах и идолы ⁵.

Подобные факты можно было бы значительно умножить, однако и приведенный делает понятным то влияние, которое оказали выходцы из Хорасана и Мавераннахра на культуру центральных областей халифата.

В настоящее время археологические открытия в Средней Азии блестяще подтвердили приведенные сообщения письменных источников. Более того, на основании этих открытий мы в состоянии проследить влияние многих конкретных художественных элементов искусства народов Средней Азии на культуру халифата. Они, в частности, выявляются в архитектурном декоре. Остановимся на некоторых из них. Так, чрезвычайно интересен сюжет, открытый в последние годы в живописи древнего Пенджикента. Здесь в одном из помещений XXIII объекта были вскрыты остатки настенной росписи, где в нижнем ярусе изображалась сцена «бег зверей», представленных как хищными, так и нехищными животными (заяц, собака, олень, бык, слон, медведь, козел и др.) (рис. 1). Эта композиция является пока единственным памятником с подобным сюжетом, который не имеет себе аналогий в изобразительном искусстве Мавераннахра и Ирана доисламского времени.

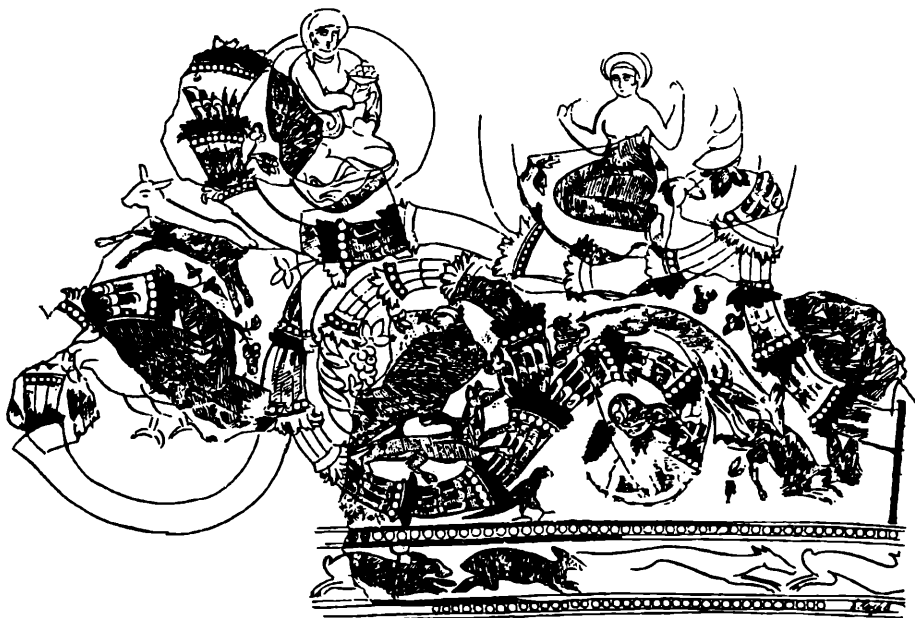

Рис. 2. Сцена «бег зверей». Самарра, IX в. Живопись

Аналогичная сцена имеется в живописи дворцового комплекса Самарры IX в. н. э.⁶ В связи с этим следует отметить сходство живописи древнего Пенджикента и Самарры. Во-первых, в настенной росписи Самарры, так же как и в Пенджикенте, этот сюжет размещен в нижнем ярусе и композиционная рама обрамлена перлами. Во-вторых, здесь встречаются изображения почти тех же зверей, которые есть на пенджикентской живописи, в частности зайца, волка, собаки (рис. 2). Позже, в X—XIII вв. н. э., этот сюжет находит широкое распространение в прикладном искусстве Ирана и Ирака. Причем здесь нетрудно заметить много общего в размещении фигур с живописью древнего Пенджикента. На серебряных и бронзовых сосудах сцена «бег зверей» расположена на их верхней или нижней части, т. е. в бордюрах. Фигуры бегущих зверей помещены внутри ленточной полосы. Здесь, так же как и в живописи Пенджикента, изображены хищные и нехищные звери (заяц, волк, лев, кабан, слон). Интересные образцы керамических сосудов с изображением сцены «бег зверей» известны на городище старого Мерва, а в Иране на городище средневекового Рея⁷. Следует отметить, что на керамических сосудах размещение данного сюжета, а также набор зверей аналогичны композиции металлических сосудов.

Другой мотив, характерный для архитектурного декора древнего Пенджикента и не свойственный искусству сасанидского Ирана (рис. 3, а), — это мотив пятидольного виноградного листа с круговыми глазками. Указанный мотив в древнем Пенджикенте встречается в резьбе по дереву. Отличие пенджикентского виноградного листа от сасанидского в его стилизованной трактовке (рис. 3 б, в). Именно пенджикентская трактовка виноградного листа встречается в дальнейшем в архитектурном декоре центральных областей халифата. Так, этот мотив применялся в штурке замка Хирбат ал-Мафджар (40-е годы VIII в.) в Иордании⁸. В дальнейшем форма пятидольного виног-

радного листа с глазками была широко распространена в резном штурке Самарры IX в.⁹ (рис. 3, з), а позднее в дворцовом резном штурке Рея XII в.

Следующий элемент архитектурного декора, известный в живописи из древнего Пенджикента (в нише объекта 1), — лирообразный мотив (рис. 3, д). Этот мотив, не встречающийся в искусстве доисламского Ирана, находит аналогию в штурке Самарры и деревянных расписных досках того же памятника (рис. 3, е, ж).

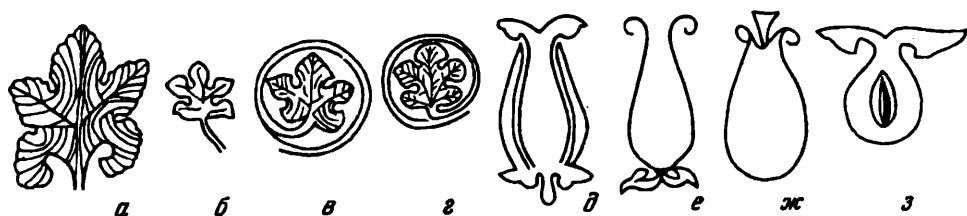

Рис. 3. Мотивы орнамента.

а — виноградный лист, III—VII вв. н. э., Иран;

б, в — виноградный лист, древний Пенджикент, VIII в. н. э.; г — виноградный лист, Самарра, IX в. Резной штурк; д — лирообразный мотив, древний Пенджикент, VII—VIII вв.; е, ж, з — лирообразный мотив, Самарра. Живопись, резной штурк

Итак, как видим, пенджикентские и вообще согдийские элементы появляются в IX—X вв. в архитектурном декоре Ирака (Самарра), а еще раньше, около середины VIII в., Ближнего Востока (Иордания). Это происходило одновременно с проникновением на территорию Согда (Афрасиаб) влияний со стороны центральных областей халифата. До сих пор связи Согда и этих стран рассматривались односторонние, теперь же согдийские, особенно пенджикентские, материалы позволяют проследить взаимовлияние культур Согда и его западных соседей.

¹ Эберман В. А. Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда // ЗКВ. 1930. Т. V. С. 436, 437; Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971. С. 86—91.

² Baladhuri. The origins of the Islamic state // Kitab futuh al buldan. N. Y.; L., 1924. Pt. 2. P. 147.

³ Цит. по: Эберман В. А. Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда. С. 436, 437.

⁴ Там же.

⁵ Негматов Н. Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957. С. 145—148.

⁶ Herzfeld E. Malerei von Samarra. B., 1927. Taf. XXIV, orn. 95.

⁷ Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начало XIII в. // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. XI. С. 301, рис. 15. С. 302, рис. 46, 303, рис. 41; A survey of Persian art. L.; N. Y., V. V. 1939. Pl. 637a, 754.

⁸ Hamilton R. W. Khirbat al-Mafjar. Oxford, 1959. P. 183. Fig. 130, 140, 141.

⁹ Herzfeld E. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. B., 1923. S. 191, Abb. 289, S. 210, Abb. 298, S. 211, Abb. 299, 300. Taf. LXXVII, XCII, XCIV, XCVII.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЧЕТИ МАШАД-АТА В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Д. АБДУЛЛОЕВ

Ключевые слова: Юго-Западный Туркменистан, средневековый город Дехистан, мечеть Машад-Ата, медресе, дарсхане, худжра, айван, арочная ниша, обожженный кирпич.

Keywords: Southwestern Turkmenistan, medieval town of Dekhistan, Mashad-Ata mosque, medrese, darskhane, hujra, ayvan, exedra, baked bricks.

Мечеть Машад-Ата находится в 25 км к востоку от пос. Мадав и в 1,5 км к юго-востоку от руин средневекового города Дехистан, в Балканском велаяте на юго-западе Туркменистана. Впервые это культовое здание было исследовано Г. А. Пугаченковой. Она сделала обмеры памятника и выполнила съемку его общего плана. На основании архитектурного декора и строительной техники исследовательница датировала мечеть Машад-Ата XI–XII вв. (Пугаченкова 1958: 20–25). Позднее эту датировку принял Е. Атагарриев (Атагарриев 1986: 35–47). Однако оба исследователя не проводили археологические раскопки сооружения. Лишь весной и осенью 2009 г. автор этих строк осуществил здесь полевые работы при финансовой поддержке Отдела охраны памятников Республики Туркменистан.

Раскоп (20 × 20 м) был разбит к северу от мечети. В результате изысканий на этом участке был открыт предположительно строительный комплекс, состоявший из 17 помещений, которые располагались по периметру квадратного двора (хонавор) (11,7 × 11,7 м) (рис. 1). Для возведения комплекса, в основном, использовали квадратные обожженные и сырцовые (т. е. необожженные) кирпичи (21 × 21 × 5 см), причем полы всех комнат были вымощены обожженным кирпичом, а их стены оштукатурены алебастровым раствором.

Двор был также вымощен обожженными кирпичами шестиугольной формы, причем поверхность этого настила имела значительный уклон в северном направлении. Во дворе обнаружены три канавки шириной 0,44 м и глубиной 8 см. Одна из них, расположенная перпендикулярно другим, протянулась с запада на восток на 9,9 м. Ее дно было выложено обожженными кирпичами. Мощение двух других канавок, расстояние между которыми составляет 3,25 м, не сохранилось. Восточное углубление протянулось на 7,4 м в направлении север–юг, западное прослежено в этом же направлении на 7,1 м (рис. 2). Эти две канавки, проложенные параллельно друг другу, соединены в южной части двора с первой канавкой, а в его северной части – с квадратным (2,2 × 2,2 м) водоемом глубиной 1,7 м. Его стены были сложены из обожженного кирпича, а дно образовано слоем плотной темно-серой глины. Канавки служили для стекания дождевой воды со двора мечети в водоем (хауз) (рис. 3, 1).

К востоку от двора находились помещения 1, 3 и 4. Квадратная комната 1 (5,3 × 5,3 м), судя по ее западной стене, которая на большом участке сохранилась

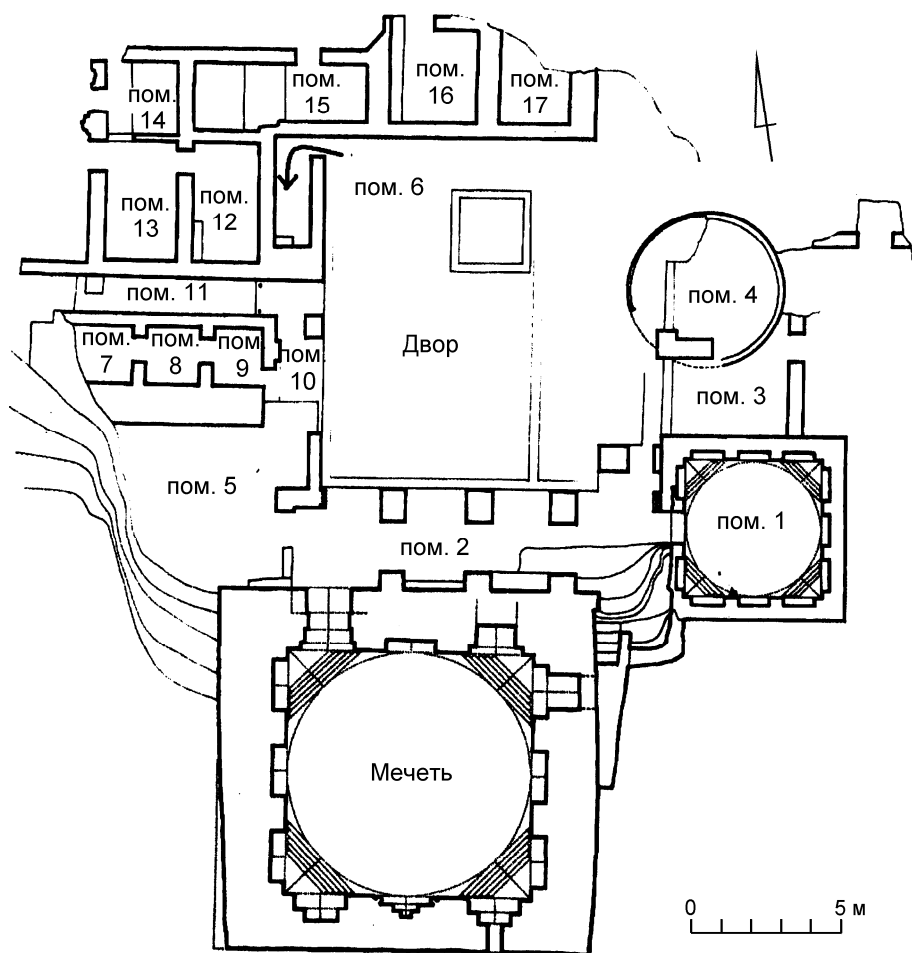

Рис. 1. Машад-Ата, план памятника (выполнен архитектором Р. Мурадовым)

Fig. 1. Mashad-Ata, plan, drawn by the architect R. Muradov

полностью, была сложена на высоту 0,95 м из обожженного кирпича. Верхние части стен помещения, высота которых составляет 2,15 м, сооружены из сырцовых кирпичей. Поверх них, в свою очередь, уложены два ряда обожженного кирпича. Последние образовывали карниз, который выступал на 5 см от вертикали стены. В северо-западном углу комнаты над карнизом сохранилась часть тропы, сложенной из половинок обожженного кирпича. Судя по наличию тропы, можно предположить, что квадратное помещение имело купольное перекрытие. В комнате сохранились остатки 11 ниш, причем в южной, северной и восточной стенах были устроены по три ниши, а в западной – две. Ширина ниш составляла 1,5 м, а глубина – 0,45 м. В юго-западном углу помещения целиком сохранилась арочная ниша, южный пилон которой на высоту 0,8 м от пола сложен из обожженного кирпича, а вся остальная часть сделана из сырцового.

Рис. 2. Машад-Ата, остатки западной канавки во дворе

Fig. 2. Mashad-Ata, remains of the western ditch within the court-yard

Ширина южного пилона равнялась 0,25 м, северного – 0,5 м. На высоте 1,85 м от пола начинается карниз арочной ниши, который выступает от поверхности ниши на 2,5 см. Арка ниши, обмазанной слоем алебастровой штукатурки толщиной 1 см, сложена из половинок обожженных кирпичей, которые поставлены ребром в один ряд.

К северу от комнаты 1 находится прямоугольное помещение 3 ($4,1 \times 2,6$ м), вытянутое с запада на восток. Его стены, достигающие толщины 0,8 м, сохранились на высоту 0,35–0,5 м от пола, уровень которого на 0,2 м выше уровня двора мечети. Проход шириной 2,5 м, устроенный в западной стене комнаты 3, связывал ее с двором.

Рис. 3. Машад-Ата: 1 – общий вид двора с водоемом; 2 – остатки канализационных труб в пом. 13
 Fig. 3. Mashad-Ata: 1 – general view of the court-yard with the pool; 2 – remains of sewerage tubes in room 13

К северу от помещения 3 располагалась прямоугольная комната 4, также вытянутая с востока на запад. От нее сохранились лишь небольшие участки стен в северо-восточном, северо-западном и юго-западном углах помещения, уровень пола в котором тоже превышал уровень двора мечети на 0,2 м.

В западной стене комнаты 1 сохранился арочный проход шириной 1,05 м. Он вел в помещение 2 (айван-веранда), длина которого с запада на восток

составляет 11,5 м, а ширина с юга на север – 2,7 м. На глубине 0,25–0,35 м от дневной поверхности был обнаружен верхний пол айвана, вымощенный обожженными кирпичами. На глубине 0,45–0,5 м от верхнего пола находился нижний пол комнаты, на котором были выявлены остатки трех пилонов ($1,05 \times 0,85$ м) из обожженного кирпича, сохранившихся на высоту 45 см от нижнего пола. Расстояния между пилонами составляют 1,7 м. Напротив них в северной стене мечети находились три арочных прохода, которые были заложены во время ремонта, после которого был устроен верхний пол айвана. Таким образом, в первом периоде в мечеть попадали из айвана через упомянутые арочные проходы.

В северо-западном углу помещения 2 находился проход шириной 1,2 м, который связывал комнату с помещением 5. Ввиду того, что не все стены последнего сохранились, трудно определить его планировку. Толщина стен в сохранившейся части комнаты 5 достигала 0,85 м. Вдоль западной стены помещения на полу, который понижался с запада на восток, были обнаружены горелые пятна, видимо, от бытовых очагов. В заполнении над полом найден обломок обожженного кирпича с фрагментами арабской надписи (рис. 4), включающей три мужских имени – Асадуллах, ал-Касим и Араб (определение и чтение автора статьи), которые, возможно, принадлежали изготовителям кирпичей. Надписи были сделаны тонким, острым предметом по сырой глине до обжига кирпича.

Прямоугольное помещение 6 ($3,15 \times 1,5$ м), вытянутое с юга на север, располагалось в северо-западном углу двора и было связано с ним проходом шириной 0,65 м, находившимся в северо-восточном углу комнаты.

Помещения 7, 8 ($1,7 \times 1,7$ м), 9 ($1,7 \times 1,8$ м) и 10 ($2,5 \times 1,05$ м) лежат к северу от комнаты 5. Они ориентированы с запада на восток и связаны между собой проходами шириной 0,85 м. Размеры комнаты 7 не удалось установить из-за утраты ее западной стены.

Прямоугольное помещение 11 ($7,5 \times 1,5$ м), вытянутое с запада на восток, находится к северу от комнат 7–10 и к западу от двора. Именно через него с улицы попадали во двор и затем проходили в мечеть. Вместо восточной стены этого помещения устроен проход шириной 1,05 м, который вел во двор мечети. В комнате 11 выявлены три уровня полов, которые понижаются в западном направлении. Уровень верхнего пола зафиксирован в восточной части помещения на площади $1,5 \times 2,25$ м. Средний пол обнаружен на глубине 10 см от верхнего в средней части комнаты на площади $1,3\text{--}1,4 \times 3,4$ м. На глубине 10 см от среднего пола в западной части помещения находится нижний пол на площади $1,5 \times 3,4$ м. В западной стене комнаты устроен другой проход шириной 1,05 м, по которому с улицы попадали во двор мечети и в другие помещения, в том числе и в саму мечеть.

На улице перед входом в комнату 11 прослежен участок стены, тянущейся с востока на запад на 2,4 м. Ее толщина составляла 0,5 м, высота – 0,2–0,5 м. Вдоль стены сохранились остатки четырех ступенек из обожженного кирпича, которые ведут в помещение 11. Ширина первой ступеньки достигает 0,5 м, второй – 0,55 м, третьей – 0,5 м. Сохранившаяся длина первой ступеньки составляет 0,4 м, второй – 0,9 м. Высота второй и третьей ступенек насчитывает 20 см. Четвертая ступенька не сохранилась. Возможно, ее высота также равнялась 20 см. Уровень четвертой ступеньки соответствует нижнему уровню пола в западной части комнаты 11, возле выхода на улицу.

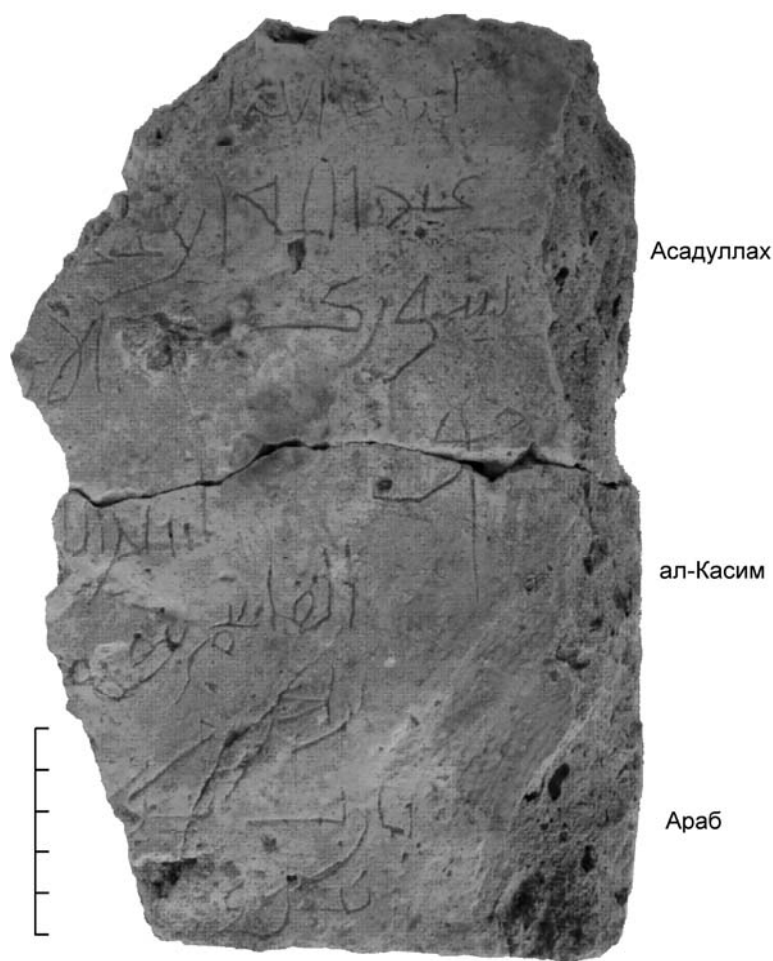

Рис. 4. Машад-Ата, арабские надписи на фрагменте обожженного кирпича

Fig. 4. Mashad-Ata, Arabic inscriptions on a brick fragment

Особняком стоит располагавшийся к северу от помещения 11 комплекс построек из трех комнат 12–14, которые не были связаны ни с вышеупомянутым помещением, ни с двором мечети.

Прямоугольная комната 12 (4,1 × 2,15 м) вытянута с юга на север. Ее южная, восточная и западная стены возведены из обожженного кирпича. На нижней части южной стены, а также на некоторых участках восточной и западной стен выявлена алебастровая штукатурка, причем на южной и восточной стенах она имела толщину 1 см, а на западной – 0,5 см. Высота сохранившейся части южной стены составляет 0,75 м, восточной – 0,4–0,6 м, северной – 0,6 м, западной – 0,5–0,7 м. Толщина южной, восточной и западной стен достигает 0,55 м, а северной – 0,5 м.

К западной стене помещения 12, у его юго-западного угла была пристроена по линии юг–север скамейка из обожженного кирпича шириной 0,3 м, высотой

0,25 м и длиной 1,2 м. Ее стенки обмазаны алебастровой штукатуркой толщиной 0,5 см. Вымощенный обожженными кирпичами пол комнаты 12 имеет подъем в южном направлении.

В северо-западном углу помещения 12 находился проход шириной 0,6 м, который вел в соседнюю вытянутую с юга на север прямоугольную комнату 13 ($4 \times 2,6$ м), занимавшую центральное место в рассматриваемом комплексе.

Южная, северная и западная стены помещения 13 сложены из обожженного кирпича. Высота южной стены составляла в юго-восточном углу 1,05 м, а в юго-западном углу – 0,4 м, высота северной стены достигала 0,1–0,3 м, западной – 0,2–0,4 м. Толщина южной стены равнялась 0,65 м, северной – 0,5 м, западной – 0,6 м. Восточной стеной комнаты 13 являлась западная стена соседнего помещения 12. На ней местами сохранилась алебастровая штукатурка толщиной 1 см.

Пол комнаты 13, вымощенный обожженными кирпичами, со всех сторон имеет резкий уклон к центру помещения, где находился квадратный слив (12×12 см) глубиной 10 см. В центре его дна устроено сквозное круглое отверстие диаметром 5 см. Судя по наличию слива, можно предположить, что эта комната служила местом для омовения, а возможно, и баней. Используемую воду отводили с помощью слива и оборудованной под западной стеной помещения канализационной системой, которая представляла собой четыре большие керамические кружки с диаметром устья 0,15 м и отбитыми доньями (рис. 3, 2). Узкое дно одной кружки вставляли плотно в устье другой без употребления строительного раствора.

К северу от комнаты 13. находилось прямоугольное помещение 14 (3×2 м), вытянутое с юга на север. Все стены этой комнаты сложены из обожженного кирпича. От западной стены в юго-западном углу помещения сохранился отрезок протяженностью 0,8 м, от южной – длиной 1,4 м, от восточной – протяженностью 2–2,5 м, от северной – длиной 0,6–0,8 м. Сохранившаяся высота западной стены составляет 0,15 м, южной – 0,1–0,4 м, восточной – 0,2–0,5 м. Толщина западной, восточной и северной стен достигает 0,6 м, южной – 0,5 м. На восточной стене местами сохранилась алебастровая штукатурка толщиной 1 см.

Пол комнаты 14 был вымощен обожженными кирпичами. С улицы в это помещение попадали через проход, который находился в северной стене комнаты. От прохода сохранилась лишь южная шека. Уровень пола возле прохода располагался на 10 см ниже, чем в остальной части помещения.

Комнаты 12–14, связанные проходами, образуют единый комплекс, причем помещение 14, куда попадали с улицы, использовали, видимо, как предбанник. Здесь люди раздевались и проходили в комнату 13, где мылись, а затем в помещение со скамейкой (12), где отдыхали.

Комнаты 15–17 находятся к северу от двора мечети. Стены прямоугольного вытянутого с запада на восток помещения 15 ($1,9 \times 5,8$ м) сохранились на высоте 0,5–0,8 м, их толщина составляет 0,8 м. Пол в западной части комнаты располагался на 22 см выше, чем в восточной. В северной стене помещения обнаружен проход шириной 0,85 м, через который в эту комнату попадали с улицы.

К востоку от помещения 15 находилась прямоугольная комната 16 ($3,5 \times 2$ м), вытянутая с юга на север. Ее стены сохранились на высоту 0,5–0,7 м, а их толщина составляет 0,85 м. Единственный проход шириной 0,8 м, устроенный в северо-западном углу помещения, вел на улицу.

К востоку от комнаты 16 располагалось прямоугольное вытянутое с юга на север помещение 17 (предположительные размеры $3,5 \times 2,5$ м), от которого сохранились западная, южная и частично восточная стены, целиком утрачена северная. Стены сохранились на высоту 0,4–0,5 м, их толщина достигает 0,8 м.

Таким образом, в результате раскопок был обнаружен обширный двор, по периметру которого выявлены остатки 17 помещений. Помещение 1, судя по наличию арочных ниш в стенах, могло служить книгохранилищем и местом обучения. Учебными комнатами (дарсхане) также являлись помещения 3 и 4. Комнату 5, судя по остаткам копоти и красных пятен на ее северной стене и на полу, возможно, использовали как кухню. Помещение 6 служило в качестве кладовой. Комнаты 10 и 11 являлись проходными коридорами. Помещения 12–14 с канализационной системой использовали как место омовения или баню (гармабе). Комнаты 7–9, 15–17 служили кельями (худжрами) для одного или двух студентов.

По данным стратиграфии можно выделить два периода существования памятника. Судя по керамическому материалу, обнаруженному на полах помещений и в айване (пом. 2), ранний период относится к IX–X вв., а поздний – к XI–XII вв.

Рассмотрим вопрос о функциональном назначении раскопанного мною архитектурного комплекса. Одним из центров просвещения в средневековом городе Востока являлось медресе – религиозная мусульманская школа, где обучали грамоте, теологии, философии, музыке, каллиграфии, истории и литературе. Кроме того, обучение было организовано и при мечетях. Как свидетельствуют письменные источники, первые медресе в городах Средней Азии появились в X в. (Бартольд 1964: 30–31; Мирбабаев 1980). В медресе, построенном в XI в. в Самарканде по приказу Тамгач-хана, одного из Караханидов, обучались около 50 студентов. По сведениям письменных источников и по этнографическим данным, комплекс медресе состоял из обширного двора, по периметру которого располагались мечеть, учебные и хозяйственно-бытовые постройки, а также маленькие кельи (худжры) для одного или двух студентов (Бартольд 1964: 125–127; Айни 1970: 56). Судя по археологическим данным, почти аналогичную планировку строительному комплексу, раскопанному при мечети Машад-Ата, имеют остатки медресе XI в. на городище Афрасиаб в Узбекистане (Немцова 1974), медресе XII–XIII вв. на городище Дехистан на юге Туркменистана (Атагарриев 1986: 70–75) и медресе XI–XII вв. Ходжа Машад в Таджикистане (Мукимов, Мамаджанова 1990: 75–77). Такая же планировка легла в основу более поздних средневековых медресе Средней Азии, например, в Самарканде (Тилля-кари, XVI в.; Шир-дор, XVII в.) (Лавров 1950: 102–103) и в Гиссаре (Кухна, XVI–XVII вв.; Бретаницкий 1950: 199–202). Медресе Тилля-кари включало обширный двор, вокруг которого с трех сторон располагались худжры (кельи), а с четвертой – мечеть. Медресе Кухна представляет собой обширный замкнутый двор, три стороны которого окружены рядом небольших изолированных помещений – худжр. По фасадной стороне находились мечеть и учебная комната – дарсхане. Итак, сопоставляя археологические материалы, сведения письменных источников и этнографические данные с планировкой комплекса в Машад-Ата (Юго-Западный Туркменистан), можно предположить, что здесь обнаружено одно из самых ранних медресе в Средней Азии.

Литература

- Айни 1970 – *Айни С. Ёдоштхо*. Душанбе: Ирфон, 1970. 447 с. (на тадж. яз.).
 Атагарриев 1986 – *Атагарриев Е.* Дехистан. Л.: Наука, 1986. 174 с.
 Бартольд 1964 – *Бартольд В. В.* Улугбек и его время // Соч. Т. 2, кн. 2. М.: Наука, 1964. С. 25–178.
 Бретаницкий 1950 – *Бретаницкий Л. С.* Архитектурные памятники Гиссара // А. Ю. Якубовский (отв. ред.). Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1. 1946–1947 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 199–206 (МИА. № 15).
 Лавров 1950 – *Лавров В. Л.* Градостроительная культура Средней Азии. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. 173 с.
 Мирбабаев 1980 – *Мирбабаев А. К.* Из истории учебных заведений эпохи Абуали Ибн Сино // Н. Н. Негматов (отв. ред.). Абуали Ибн Сино и его эпоха. Душанбе: Дониш, 1980. С. 51–57.
 Мукимов, Мамаджанова 1990 – *Мукимов Р. С., Мамаджанова С. М.* Зодчество Таджикистана. Душанбе: Маориф, 1990. 174 с.
 Немцова 1974 – *Немцова Н. Б.* Медресе Тамгач-Богра-хана в Самарканде // Гулямов Я. Г. (отв. ред.). Афрасиаб. Ташкент: ФАН, 1974. Вып. 3. С. 125–140.
 Пугаченкова 1958 – *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1958. 492 с.

Literature

- Айни 1970 – *Aini S. E'doshtho (Yodoshtkho)*. Dushanbe: Ifron, 1970. 447 p. (in Persian).
 Атагарриев 1986 – *Atagaryev E.* Dekhistan. Leningrad: Nauka, 1986. 174 p. (in Russian).
 Бартольд 1964 – *Bartold V. V.* Ulugbek i ego vremya (*Ulugbek and his time*) // *Bartold V. V. Collection works*. Vol. 2, part. 2. Moscow: Nauka, 1964. P. 25–178 (in Russian).
 Бретаницкий 1950 – *Bretanitsky L. S.* Arhitekturny'e pamyatniki Gissara (*Architectural monuments of Hissar*) // Yakubovsky A. Yu. (ed.). Trudy' Sogdiysko-Tadjikskoy arheologicheskoy e'kspedicii (*Proceedings of the Sogd-Tajik Archaeological expedition*). Vol. 1. 1946–1947. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1950. P. 199–206 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. No. 15) (in Russian).
 Лавров 1950 – *Lavrov V. L.* Gradostroitel'naya kul'tura Sredney Azii (*Town building culture in Central Asia*). Moscow: State Publishing House for Architecture and Building, 1950. 173 p. (in Russian).
 Мирбабаев 1980 – *Mirbabaev A. K.* Iz istorii uchebny'h zavedeniy e'pohi Abuali Ibn Sino (*From the history of educational establishments of the Abu Ali Ibn-Sino time*) // Negmatov N. N. (ed.). Abuali Ibn Sino i ego e'poha (*Abu Ali Ibn-Sino and his epoch*). Dushanbe: Donish, 1980. P. 51–57 (in Russian).
 Мукимов, Мамаджанова 1990 – *Mukimov R. S., Mamadzhanova S. M.* Zodchestvo Tadjikistana (*Architecture of Tajikistan*). Dushanbe: Maorif, 1990. 174 p. (in Russian).
 Немцова 1974 – *Nemtsova N. B.* Medrese Tamgach-Bogra-hana v Samarkande (*Tamgach-Bogra-khana medrese in Samarkand*) // Gulyamov Ya. G. (ed.). Afrasiab. Tashkent: Fan, 1974. Vol. 3. P. 125–140 (in Russian).
 Пугаченкова 1958 – *Pugachenkova G. A.* Puti razvitiya arhitektury' Yujnogo Turkmenistana pory' rabovladieniya i feodalizma (*Ways of development of the architecture of South Turkmenistan in the epochs of slavery and feudalism*). Moscow: Nauka, 1958. 492 p. (in Russian).

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF THE MASHAD-ATA MOSQUE IN TURKMENISTAN

D. Abdulloev

The mosque of Mashad-Ata is situated 25 km of the modern settlement of Madav and 1,5 km north-west of the ruins of medieval Dakhistan, in the Balkan velayat, Southwestern Turkmenistan. In 2009, thanks to the financial support from the Department of Monuments Protection of the Republic of Turkmenistan, the author con-

ducted excavations of the area to the north of the mosque. As a result of this work a complex of 17 rooms was exposed. They were arranged over the perimeter of a square court-yard ($11,7 \times 11,7$ m) (fig. 1), paved with hexagonal baked bricks. Remains of three shallow ditches were found on the floor. The western ditch, which has preserved better than the other two, is 7,4 m long (from south to north), 0,44 m wide, and 8 cm deep (fig. 2). In the northern part of the court the ditches join a square water pool ($2,2 \times 2,2$ m), which is 1,7 m deep. Its walls were laid of baked bricks. The rain water flowed through the ditches down to the pool (fig. 3, 1). To the east of the court-yard there were rooms 1, 3, 4, which served for educational purposes (dastarkhane). Room 1, with its high and deep niches for storing books, might also have served as a library. To the west and north of the yard there were small living rooms 7–9, 15–17 (hujras), intended for single or double residence. A complex of three rooms (12–14) was exposed to the north-west of the palace, and one of them (room 13) was equipped with a sewerage system (fig. 3, 2). The excavation of room 5 yielded a unique find: a fragment of a baked brick with Arabic inscriptions (fig. 4). The mosque existed during two periods: the early one appears to fall on IX–X cc., while the late period on the XI–XII cc.